

Судат Софья Владимировна
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."

Я родилась 15 апреля 1941г. В грудном возрасте вместе с мамой и другими родственниками в течение первого года жизни находилась в блокадном Ленинграде, потом в 1942г была эвакуирована. Жили в Ульяновске, Бийске, Тобольске. В Ленинград вернулась в 1946г. Окончила ЛТИ им. Ленсовета в 1967г. и с этого времени постоянно по настоящее время работаю в ОАО «НПП» Краснознаменец».

Умер только тот, кто позабыт

ОЧЕНЬ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ОДНОЙ ВЕТКИ МОЕЙ СЕМЬИ

На склоне лет, и с большим опозданием я стала понимать, как мало знаю о своих близких и родных мне людях, с которыми долго жила рядом, которые любили меня, которых любила, но, наверное, недостаточно ценила. По молодости мне казалось, что они будут всегда.

Воспоминания мои отрывочны. Во многом это не мои воспоминания, а пересказ того, что когда-то рассказали другие, и что мне посчастливилось запомнить. Иногда воспоминаниям помогают фотографии, которые в большом количестве мне передавали родственники перед своим отъездом в другие страны на постоянное место жительства. К счастью я их не

уничтожила. На некоторых фотографиях есть надписи, которые помогут восстановить кое-какие события. Помогли мне также воспоминания моего дяди Нисона Иосфина, опубликованные после его смерти, в Израиле, а также моей дорогой тетушки Фани.

Большая часть жизни моих близких проходила в Советском Союзе и они разделили все горести, которые пришлось на судьбу многих граждан нашей страны в XX веке, но, кроме этого, им пришлось пережить трудности, во многом связанные с их религиозными убеждениями и с необходимостью соблюдения религиозных обрядов и традиций.

Истоки моей большой семьи

Мой дедушка Иосфин Элья Шмеркович родился в 1879г в деревне Стайки Невельского района, примерно в 30 км от г. Невеля. Фамилию в некоторых источниках указывают «Йосфин». Имя также имеет разное написание: Элья, Элиягу, Элия.

Элья Иосфин (перед свадьбой). г. Невель. Начало XX в.

У дедушки было 4 брата (Шимон, Иосиф, Самуил, Хона). Было также много двоюродных братьев и сестер (Вайханские, Шмуйловичи или Шмуловичи и др.). Дети всех родственников в дальнейшем были всегда вхожи в дом моего дедушки. Мне известна судьба многих из них, но это отдельные истории.

Моя бабушка Иосфина Зисля (Зинаида) Исааковна (Нисоновна, Анисимовна) из семьи Земцовских, родилась в 1881г. в г. Невель. Ее родители (Нисон и Хая) имели трех дочерей (Зисля, Рахиль или Раша и Циля)

Семья Земцовских: в центре отец-Нисон и мать-Хая, слева дочь Зисля (моя бабушка), сзади дочери: Рахиль с детьми и Циля, далее (если не ошибаюсь)племянница Роха

Со слов дяди, дед моей бабушки был одним из основателей художественной школы в Витебске. Одна из сестер -Рахиль примерно в 1914-1916г уехала со своей семьей в Америку, откуда пришла позднее ее фотография с детьми.

Рахиль с детьми (фото из Америки)

Вроде бы была какая-то переписка с этой семьей вплоть до 1937г. Как вспоминает моя теть Фаня, в голодное время конца тридцатых годов, когда дедушка и его старший сын Лева сидели в тюрьме, пришла какая-то продуктовая посылка, что кажется совсем невероятным. Может быть это фантазия! По слухам представители этой семьи и сейчас проживают в Штатах, но мне о них ничего не известно.

Между революцией и войной

К моменту начала Октябрьской революции (как теперь говорят – переворота) в семье было уже двое детей сын Лева (1911г.р.) и Рая (Раина, Рахиль), которая родилась 5 мая 1915г., и которая в последствии стала моей мамой. Позднее, уже в Советское время, в 1922 и в 1926г родились еще двое детей: Фаня (Нахим) и Нисон (Иосон). Как я уже отмечала, транскрипция еврейских имен в русском звучании была неоднозначна. Это коснулось также и отчества детей Эльи: сыновья –Ильич, дочери- Элеевна. и в разных документах разные имена. Старшие при рождении были записаны в книге синагоги, а младшие зарегистрированы в ЗАГСе г.Невеля. Кроме того, во время Великой Отечественной войны г.Невель был под немцами и, как

сообщили (по моему запросу) из архива, большая часть документов сгорела. При переводе с идиш на русский язык и в связи с необходимостью русификации имен да еще и при невысокой грамотности регистраторов было допущено много ошибок. Впрочем, тогда это казалось малозначимым. Никто не предполагал, что в более поздние времена это может создать значительные трудности.

Семья дедушки была обычной религиозной семьей, относилась к любавичским хасидам. По воспоминаниям родственников до революции у семьи в г.Невель был большой двухэтажный дом, который стоял над самым обрывом реки. Дед своими руками выстроил каменную микву с проточной водой, которой пользовались все евреи города. В доме постоянно кипел огромный самовар, и каждый после миквы мог напиться горячего чаю с сахаром. По тем временам это было очень большое дело — настоящий чай с настоящим сахаром. Из-за религиозных убеждений и различных поступков, не совместимых с порядками, установленными новой властью, семье пришлось переехать в г.Витебск. Во время новой экономической политики, о котором известно нашему старшему поколению из учебников истории и из трудов В.И.Ленина, в Советской России на короткое время допустили частную собственность. В этот период дедушка сумел развернуться да так, что, семье принадлежало в Витебске три дома, один из которых имел даже фонтан. Потом было раскулачивание, сопровождавшееся арестами, расстрелами, высылкой. Одновременно были преследования по религиозным мотивам. Это коснулось даже старшего сына- Левы, тогда еще несовершеннолетнего. Дедушку посадили в тюрьму на 2 или 3 года, Леву вскоре отпустили. Бабушка осталась с детьми без всяких средств к существованию и вынуждена была отправить старших детей (Леву и мою маму- Раю) в Ленинград для поисков работы и на разведку. Потом Лева вернулся в Невель и забрал свою маму и младших детей в Ленинград, где

удалось снять квартиру в жутком темном флигеле, находившимся во дворе дома 45 на ул. Войнова. Он и сейчас существует этот флигель.

Однажды, в начале девяностых годов прошлого века в паспортном столе мне показали старую, с поврежденными листами, чудом сохранившуюся домовую книгу тридцатых годов, по которой можно было проследить всю историю прописки и выписки каждого члена семьи. Тогда я кое-что выписала:

- бабушка с детьми приехала из г. Витебска, прописались на ул, Войнова 24.11.31г. Позднее из Старой Руссы, по-видимому, после освобождения из тюрьмы, в октябре 1934г. к ним присоединился дедушка.

-дочь Иосфина Раина Элеевна работала в бытовом комбинате,

-дочь Иосфина Нахим Элеевна училась в школе №11 на ул.Петра Лаврова Дзержинского района

- Сын Иосфин Нисон Эльевич учился в школе №13 на Гагаринской улице

Жаль, что более подробно мне не удалось изучить домовую книгу, и я не пыталась запомнить всех перепитий, о чем очень сожалею, т.к. в настоящее время изучение архивных документов возможно только по официальному запросу.

Семья перед войной жила открытым домом. Все любавичские (и не любавичские) евреи, не имевшие прописки, знали: в этом доме они всегда могут остановиться, жить столько, сколько надо, и рассчитывать не только на бесплатный кров, но и на питание, естественно кошерное. Дед в это время организовал вроде бы от Балтийского судостроительного завода какой то цех или артель, где работало много евреев и каким то образом удавалось не

работать по субботам и еврейским праздникам, что предписано иудаизмом, но никак не укладывалось в советскую систему.

Старший сын Лева учился в Институте, кажется имени Ульянова, но еще и в подпольной ешиве. Младшего сына Нисона, который был учеником Советской школы, учили на дому ивриту, торе, хасидизму.

Конечно, это не могло не оставаться без соответствующих последствий. Самое страшное началось в 1936 году, когда закрыли почти все синагоги. По воспоминаниям моего дяди Нисона в 1936 году единственная сукка в Ленинграде была во дворе дома на ул. Войнова, запрятанная в штабелях дров. Правда это или нет- теперь уже это никто не скажет. Но мне хочется верить в это, ибо тогда можно понять последовательность действий официальной власти, которая постоянно преследовала моих родственников, подвергая бесконечным обыскам и арестам

Лева Иосфин примерно 1932г-1935г

Фаня Иосфин 1940г

Нисон Иосфин примерно 15 лет

В одну из ночей арестовали всех учеников подпольной ешивы, где учился Лева. Вернулся он только спустя два года, изрядно покалеченным. Его так избивали в тюрьме, что у него лопнула барабанная перепонка и он

потом долго отлеживался в больнице. Однажды на какой-то еврейской свадьбе Лева имел глупость проболтаться о своем желании уехать в Палестину. Следствием этого был арест на 10 лет, которые он отсидел от звонка до звонка, а затем еще долго был поражен в правах: ему разрешалось жить не ближе 101км от Ленинграда.

В это же время дедушку посадили по страшному обвинению: ему вменили, как это было принято тогда, шпионаж. Он сперва все отрицал, но после нещадных избиений и пыток иголками под ногти - сломался и все подписал. Выпустили его накануне пасхи. Вроде бы тогда сняли наркома Ежова и поставили Берию. А Берия в борьбе с «нарушениями социалистической законности и недопустимыми методами следствия», выпустил несколько тысяч человек, в числе которых по счастью оказался и мой дедушка. В последствии дедушка еще много лет страдал от боли в пальцах. Единственной кормилицей в период отсутствия дедушки и Левы была моя мама. Была жуткая нищета. Что бы выжить (по воспоминаниям младшей дочери Фани) бабушка умудрялась печь пирожки, и торговала ими с постоянным страхом, что может быть арестована и не вернется к детям.

Семья Иосфин 12.01.1941г. Нижний ряд: отец Элья Шмеркович, сын Нисон, мать Зисля Нисоновна. Верхний ряд: дочь Фаня, зять Володя (муж Раи и мой отец), дочь Рая.

Эвакуация

В эвакуации я была с мамой, бабушкой и дедушкой, который и там умудрился оказаться в заключении, но не очень страшном. Почему-то помню, что он жил в землянке, где мы его навещали. Но ему там было, кажется, лучше, чем нам: я вспоминаю, что он меня чем-то в землянке даже угощал, кажется морковкой. Мама впоследствии мне рассказывала со слезами на глазах, что я очень часто болела, а ей не на что было сварить рекомендованный врачом бульон. Правда с фотографий того времени смотрит симпатичная белокурая мордашка, которую, по рассказам родственников, все норовили погладить. В детском саду, чтобы не было вшей, всех стригли наголо, и только одна нестриженная кучерявая личность смотрит с фотографии - это я -Софа. Нянечкам было жалко стричь белые кудряшки.

Дети из Детского сада в г. Ульяновске примерно 1944г

На нескольких моих фото того времени заметны большие перламутровые бабушкины пуговицы, наверное, еще из XIX в. Они

использовались долгие годы в нашей семье, были пришиты на мамином последнем зимнем пальто и до сих пор хранятся в моей шкатулке.

Софа в эвакуации с антикварной перламутровой пуговицей, примерно 1943-1944

Фаня Иосфин (Нахим, Фейгеле) училась во время эвакуации в филиале Ленинградского медицинского института в Уфе, голодала вместе со своими подругами и присылала фотографии с записями на обороте, что у нее все хорошо.

Фаня Иосфин во время эвакуации

Рая Судат-моя мама (урожденная Иосфин) во время эвакуации

В конце войны и по 1947г мы с мамой жили в г. Тобольск у моих родственников по папиной линии (сестры моего папы) из семьи Судат. Они работали фотографами, а мама до отъезда в Ленинград помогала им. Ниже приведена еще одна фотография этого времени. Эта фотография интересна тем, что раскраска сделана моей мамой вручную по серому отпечатку. Вот такая тогда была технология изготовления цветных фотографий.

Цветная фотография Софы 1945-1946г,

Нисон (по его воспоминаниям, опубликованным в Израиле) служил в 46-ой дивизии, 228-й полк. Полк был сформированный из одних заключенных, их посылали в самые гиблые места на фронте, откуда никто не возвращался. А он выжил, царапины не получил, хотя участвовал в страшных боях. Остатки полка отзывали на переформирование, а Нисона приписали к флоту. Он освоил специальность звукометриста, занимался расшифровкой разведывательной информации, служил на нескольких эсминцах. В составе морского десанта он не раз высаживался на берег, участвовал в боях. Самый страшный был на Чертовом острове. Во флоте Нисон прослужил до самого конца войны и демобилизовался в 1946 году.

Нисон Иосфин, февраль 1946г

Послевоенные годы

В конце сороковых годов вся семья собралась, наконец, вместе. В квартиру на ул.Войнова они почему-то не вернулись: то ли ее кто-то занял, то ли она очень страшной была. Семья поселилась на окраине Ленинграда -в доме друзей на Старопарголовском пр. 37, недалеко от Политехнического института. Теперь это, кажется, пр. Тореза. Почему-то мне запомнилась дорога, вдоль которой росла обильно акация, а также магазин на углу какой-то площади, в котором мы с бабушкой стояли в долгих очередях, чтобы купить продукты. Бабушка покупала большие куски сахара, а потом колола их на мелкие кусочки щипчиками, которые сохранились до сих пор. Самым большим лакомством была таблеточка мороженого, положенного между двух вафельек. Мне кажется, что все послевоенные дети помнят это мороженное. Дом был деревянный и, конечно, не сохранился. Но перед этим домом был каменный двухэтажный дом, в котором жила моя подруга Нина Смирнова. Она считает, что в этом доме в настоящее время находится отделение милиции. Помню, как в том доме всей семьей пекли перед пасхой мацу в русской печке, как в ручную прокатывали ее скалками. Этой мацой

обеспечивались все родственники и знакомые. В настоящее время это было бы названо предпринимательством, а в то время это было нарушением закона и грозило очередными арестами. Еще сохранилось в памяти, что мама на дому ткала шерстяные платки. И что мне на день рождения двоюродные - братья родственники по папиной линии, учившиеся в институтах, подарили мне на день рождения потрясающую коробку шоколадных конфет, кажется, «Басни Крылова». Замечательный вкус этих конфет остался в моей памяти на всю жизнь.

Семья Иосфин в 1949г. Нижний ряд: дедушка Эля, Софа, бабушка Зисля, Рая. Верхний ряд: Нисон, Лева, Фаня

В собственном доме в Александровской

В 1951г. дедушке удалось приобрести старый деревянный дом постройки 1906г. в Сестрорецком районе, станция Александровская, ул. Ручейная. Дом, конечно, был без каких-либо удобств, с маленькими комнатами, с холодным мезонином, но это был свой дом, где для каждого в то время было место.

Тогда на Приморском шоссе перед ул. Ручейная стоял памятник, только не помню кому: Сталину или Ленину. На имеющемся фото также не разобрать. Впоследствии памятник куда-то исчез. Сейчас на этом месте расположилась одна из развязок кольцевой автодороги.

Памятник на Приморском шоссе перед ул.Ручейная

Дом на ст. Александровская стал на долгие годы родовым гнездом для моих близких родных, и для многих других родственников, которые лишились во время войны своих родителей. Это были дети братьев дедушки (Иосиф, Хона, Самуил). Некоторым родственникам после войны нужна была прописка, которую проще было оформить в пригороде, т.е в доме у моего дедушки. Родные братья моего дедушки погибли либо в Невеле под немцами,

либо в блокадном Ленинграде, либо после войны от болезней и истощений, полученных во время блокады. Мне известно, что брат дедушки - Иосиф не смог эвакуироваться из Невеля, потому что отъезд был назначен на пятницу. Подвода отъехала от дома, но потом они вернулись, потому что наступала суббота, а в субботу ездить нельзя. В результате Иосиф и его жена разделили судьбу большинства евреев г. Невеля - расстрел. Рассказывают, что земля еще долго шевелилась над рвом, где их закопали почти живьем.

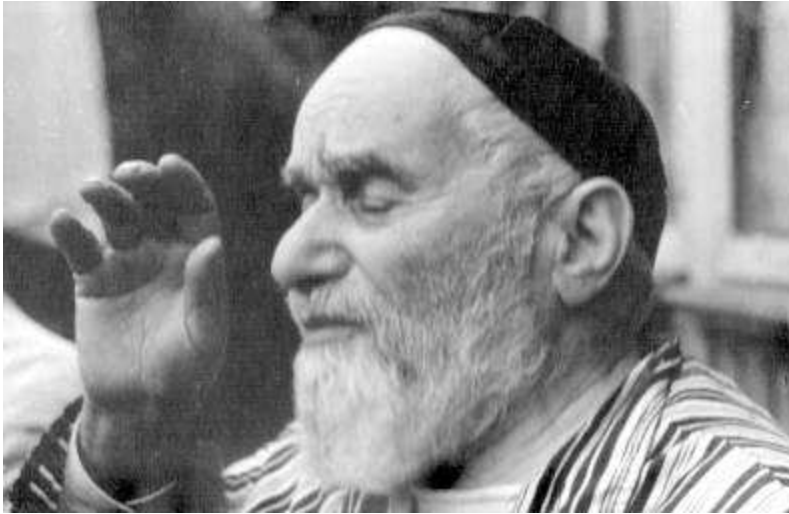
Вторая слева Фаня дочь Эльи, остальные племянники-дети Иосифа Иосфина: Лева, Рахиль, Зяма, Израиль, Фаня

Семейные обеды проходили, как мне тогда казалось, в большой комнате за большим овальным столом, который и сейчас стоит на том же месте. На столе была редиска с луком, заправленные простоквашей, селедка и картошка, а также, как говорила бабушка «бурачкес ви вайн», а попросту говоря,- свекольник с тем же самым зеленым луком, со своими огурцами и заправленный той же простоквашей. Позднее в семье появилась корова, а дедушка развел пчел. Во времена Хрущева, выполняя линию партии, корову пришлось ликвидировать. По субботам и праздникам на столе всегда была фаршированная рыба. По субботам нельзя готовить или греть пищу. Поэтому

Нисон смастерил термостат из большого неработающего музыкального ящика, что позволяло сохранять горячим цоунд (тушеная картошка) всю субботу. Я помню, как дедушка и дяди одевали талес и тфилэн и очень долго молились, как бабушка зажигала свечи. Я всегда знала, что существует мясная и молочная посуда и что путать их нельзя, что на пасху надо пользоваться другой посудой, и в доме не должно быть хлеба, муки. Я знала еще много того, что не должна была знать настоящая пионерка и комсомолка. Я по глупости стеснялась своих родственников, которые вопреки всему, продолжали верить с соблюдением всех строгих обычаев, предписываемых иудаизмом. Надо отдать должное моим родным – никто меня не принуждал следовать их примеру.

Моя бабушка Йосфина Зисля Нисоновна в огороде незадолго до смерти

Мой дедушка Иосфин Элья Шмеркович в шестидесятих годах

Однако не все так гладко. В сестрорецком районе всегда проживало много евреев, в том числе дачники - в летнее время. В начале шестидесятых годов дедушка организовал миньян для тех, кто не мог ходить в синагогу. То ли далеко им было идти, то ли просто боялись. По субботам приходило довольно много народу. Был даже кантор. Милиция считала, что действует подпольное религиозное общество и делала предупреждения, после чего какое-то время евреи не собирались, но потом все повторялось. Бывали и облавы с довольно курьезными случаями, когда солидные люди прятались под кровать в надежде, что их не обнаружат, или притворялись случайными прохожими, или фельдшером, пришедшим делать укол. Иногда зимой или в непогоду сложно было собрать 10 мужчин, необходимых для молитвы. Как и раньше, перед пасхой, вопреки закону, пекли мацу с соответствующими последствиями и наказаниями. Так последовательно мои родственники отстаивали свое право верить и соблюдать обычаи, несовместимые с общепринятыми.

В доме есть веранда, разделенная легкой перегородкой, которая легко снимается, что позволяло организовать длинное помещение, в котором ставились столы и скамейки и праздновались свадьбы, делали хупу и обрезания: здесь была хупа Нисона с Аллой, Фани с Марком, здесь делали

обрезание моему брату. Такие же события отмечали на этой веранде и многие другие родственники и друзья, даже те, кто не был верующим, но чтит обычаи своего древнего народа. Гостей всегда было так много, что в холодном ноябре на неотапливаемой веранде было тепло и весело.

Дом этот принадлежит нашей семье и сейчас, но выглядит очень одиноким, ибо ничто уже не напоминает о той бурной жизни, которая была здесь в прежние годы. Годы шли. В 1956г не стало бабушки - тихой незаметной женщины, которая, как мне казалось, всегда была старенькой. Мне посчастливилось жить с ней каждое лето, и я ее не очень то слушалась. А вот младшие внуки ее почти не знали. Бабушку похоронили на еврейском кладбище в Сестрорецке, которое теперь не действует.

Это кладбище давно бы снесли, если бы рядом с ним не находилось братское военное кладбище. Нисон поставил очень большой памятник, который однажды сбросили вандалы. После этого случая памятник положили горизонтально, под небольшим углом.

Памятник бабушке

Жизнелюбивый дедушка к неудовольствию своих детей дважды не очень удачно пытался создать новую семью. Умер дедушка в 1966г., похоронен на Сестрорецком кладбище. Дедушкин памятник также был однажды осквернен - его залили какой-то краской. Моя мама очень долго и трудно отчищала его разными растворителями со слезами на глазах и с болью в сердце.

Памятник дедушке

Дом требовал постоянного ремонта. Дядя Лева- великий труженик, умудрялся работать на мебельной фабрике на ст. Горская и обихаживал большой участок земли около дома. Казалось, что он трудится круглосуточно. Не работал он только по субботам и по еврейским праздникам. Эти дни он посвящал исключительно молитвам. Поскольку работать в такие дни нельзя, то иногда доходило до курьеза: однажды в субботу привезли машину земли. Лева был занят молитвой и даже не подошел, чтобы посмотреть - ведь это же работа, а значит недопустимо. Землю ссыпали. Как оказалось потом - вместо хорошей заказанной земли завезли смесь с глиной, которую ему пришлось потом растаскивать на ручной тележке.

Дядя Лева в основном все делал своими руками, но денег все равно не хватало. Поэтому на летний сезон сдавали помещения дачникам, многие из

которых становились друзьями дома и семьи. В беседке около дома до поздней ночи азартно играли в домино. Казалось, что шумнее и веселее проживающих в этом доме ничего не может быть, что беды и невзгоды сюда не приходят.

Лева Иосфин, как всегда, за работой

Расставание с домом

Шли годы и наш старый добрый дом постепенно опустел. В 1971г. при первой возможности в Израиль уехал Нисон, ярый приверженец иудаизма, с женой и дочкой. В 1974г туда же уехала Фаня с семьей. Перед отъездом ей пришлось пережить судилище на работе. Всю жизнь она была уважаемым врачом, и в одночасье стала врагом всей поликлиники. Позднее в 1990г. уехал, с надеждой на выздоровление от тяжелого недуга, старший брат Лева с женой. Немного раньше уехал в США сын Левы – Семен. Расставание было очень тяжелым. В семидесятых годах казалось, что расставались навсегда, даже переписка была затруднительна. Потом появилась возможность говорить по телефону. В конце семидесятых годов по выходным разрешалось говорить только трем абонентам. Поэтому очередь занимали чуть ли не с ночи. Стоимость трех минуты телефонного разговора

равнялась стоимости хороших импортных туфель. А разговор в основном состоял из слез от радости, что можно слышать голоса родных людей, или от горя от известия, что ушел кто-то из близких. Но изменилась обстановка, и семья смогла встречаться и общаться.

Однако годы берут свое. Один за другим ушли из жизни многие родственники ближние и дальние. Еще в 2005г удалось собраться большой семьей на 90-летие моей мамы. Как она была счастлива приезду брата, сестры, племянников. А теперь дом умирает вслед за хозяевами, ушедшими из жизни - он неинтересен новому поколению. У них нет той общей судьбы, нет больших общих бед, нет и общих маленьких радостей и воспоминаний, которые связывали их родителей в единое целое. У каждого из внуков этого старого дома своя отдельная судьба. Они разбросаны по миру и их мало что связывает.

Ах как жаль!!!.

Я очень благодарна Учебному центру «ОРТ-СПб» за возможность научиться работать на компьютере, и за появившуюся возможность записать очень немного из того, что я помню о близких мне людях.

Однако то, что я смогла написать - это мизерная часть истории большого семейства, истории не меньше, чем сага о Форсайтах.

14.11.2012-24.12.2012